

“МЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ — МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО”

“Если есть проблема, ее надо изучить и атаковать. Но это должна быть всегда общенациональная задача”, — эта мысль Главы Северной Осетии Таймураза Мамсурова стала лейтмотивом интервью, которое он дал радиостанции “РСН 107.0 Русская служба новостей”.

Диапазон вопросов, которые адресовал Главе РСО—Алания корреспондент Рустам Каримов, был достаточно широк: будущее Южной Осетии, взаимоотношения с соседними республиками, межнациональные и межконфессиональные проблемы.

Р. КАРИМОВ: — Сегодня мы в гостях у главы республики Северная Осетия — Алания Таймураза Мамсурова. Таймураз Дзамбекович, добрый день. Отношения с Южной Осетией. В первую очередь хотелось бы об этом поговорить. Мы из России будем именно так говорить, несмотря на то, что говорят в Тбилиси, в Вашингтоне и вообще в мировом сообществе. Сразу же в Интернете стали появляться комментарии, что, может быть, хоть на этот раз (это даже цитата) “многострадальной Южной Осетии повезет с президентом”. Как Вы считаете?

Т. МАМСУРОВ: — Леонид Тибилон — первый руководитель Южной Осетии, избранный как президент независимого государства. Эдуарда Джабеевича я вчера поблагодарил за многолетнюю деятельность. Он был президентом территории, не определившейся, непризнанной, и сделал все, что было в его силах, чтобы Южная Осетия стала суверенной. Я думаю, учитывая компактность этой республики и то, что избранный президент имеет достаточно большой жизненный опыт, эти характеристики иногда достаточны, чтобы какая-то уверенность была в том, что все будет нормально.

Р. КАРИМОВ: — Когда Вас назначили спецпредставителем Президента РФ по Южной Осетии, какие функции Вы должны были выполнять и какие задачи стояли перед Вами?

Т. МАМСУРОВ: — Территориально мы — субъект РФ, который напрямую граничит с Южной Осетией, — мне кажется, это один из мотивов для принятия такого решения высшим руководством. Ну и второе, мне, наверное, придется какие-то вещи транслировать на этом уровне по горизонтали.

Р. КАРИМОВ: — Опять же в Интернете появляются комментарии, я не знаю, как Вы воспримете их, что Вы становитесь неким барьером между Кремлем и Южной Осетией, чтобы не было напрямую связи.

Т. МАМСУРОВ: — Слово “барьер” означает препятствие. Если в этом смысле, то это чушь. Но мне кажется, это как раз то, о чем я сказал выше — чтобы транслировать быстрее, оперативней, высказывать свое мнение, если вдруг я почувствую, что высшему руководству страны в искаженной форме или не совсем объективно докладывают ситуацию. Вот и все. У меня нет права принимать каких-то решений. Но если через меня будут проверяться те или иные действия с южной стороны и со стороны нашей с вами России, то, наверное, кого-то будет интересовать мое мнение. Я буду его высказывать.

Р. КАРИМОВ: — Пресса и, в частности, “Коммерсант” недавно писала о том, что Москва готовит премьеры Южной Осетии непосредственно прокремлевского.

Т. МАМСУРОВ: — Даже если это так, это совершенно естественно. В любом случае по Конституции в государстве, которое называется Республика Южная Осетия, решение о том, кто будет премьером, принимает президент избранный. Если он при этом сочтет нужным посоветоваться с Москвой или даже пригласить кого-то, это его право. Я не исключаю такой вариант.

Р. КАРИМОВ: — Кандидатура известна Вам?

Т. МАМСУРОВ: — Мне неизвестна. Я думаю, и президенту пока ничего не известно. Он будет решать, никто не имеет права принимать решение за него. Я бы на его месте так и сделал. Если мне помогает великая страна, выделяет большие деньги, я бы хотел, чтобы ее представитель принял гражданство на Юге, был бы правой рукой действующему Президенту и рачительно распоряжался бюджетом. Я бы так поступил на его месте. Как он поступит, я не знаю.

Р. КАРИМОВ: — Кстати, а Вы будете контролировать расход средств?

Т. МАМСУРОВ: — Нет, ни в коем случае. У меня нет таких функций, я не имею на это право.

Р. КАРИМОВ: — Раз уж мы говорим о Южной Осетии, вспоминая Абхазию и Грузию, как Вы считаете, как должен быть построен диалог с Тбилиси?

Т. МАМСУРОВ: — У меня никакого желания нет вообще вступать в диалог с Грузией. Мне даже не на что реагировать. И с той стороны мы не видим никакого желания разговаривать. Это не касается народа, это касается высокомерной политики этого государства. В августе 2008 года, в самый разгар войны, когда там все польхало, я приехал в Южную Осетию, и когда журналисты меня спросили, как вы теперь будете с грузинами, я говорю “как будем? Вот водитель мой, он грузин. Я ему жизнь доверяю. Вот вам иллюстрация того, как я отношусь к грузинам”. Поэтому не в грузинах дело, а в идиотах, которые от имени грузинского народа такие вещи творят. Сами разрушили свою страну, сами растоптали ее, продолжают уничтожать и оскорблять высокомерными комментариями. Слово “диалог” не предполагает, что я буду на троне сидеть, а ты там ползай вокруг меня и жди, когда я с тобой в диалог вступлю. Вот о чем речь идет.

Р. КАРИМОВ: — Во время гонений на осетин в Грузии очень многие осетины поселились в Северной Осетии. Недавно Вы призвали беженцев возвратиться на родину, в Южную Осетию, потому что новое государство строится, появляются рабочие места, нужны специалисты. Скажите, а готовы ли сами осетины-беженцы к переезду и новой власти? Готовы ли их принять и создать условия?

Т. МАМСУРОВ: — Сегодня нет, но это чисто психологический барьер, его преодолеют. Дело в том, что действительно основная масса людей ушла не из Южной Осетии, а из внутренних районов Грузии. Это несколько десятков тысяч людей. Поэтому Южная Осетия — для них тоже не родина. Это первый психологический барьер. Там нет могил их предков и так далее. Они обосновались у нас почти 20 лет назад. Они уже, конечно, социально адаптировались, семьи новые появились. Поэтому принимать такое решение, я же не Всевышний, чтобы исход организовывать, как евреев из Египта. Это будет решать каждая семья, каждый человек сам для себя. Я свою позицию высказал. Если мы народ и нам здесь тесно, нам очень тесно, мы самая густонаселенная республика, территория, а там государство появилось, полностью защищенное от возможных военных провокаций, его надо осваивать. Депопуляция — это плохо. Я высказал свое мнение. Когда они на него отреагируют и там тоже, когда уровень жизни и возможность сходить в кинотеатр, университет, по проспекту погулять, с девушкой в кафе пойти, когда все это там и здесь будет одинаково, я думаю, это спокойно произойдет. Давить не нужно. Я просто сказал для размышления. Еще несколько раз им напомню, чтобы над этим думали. Я бы, например, если бы у меня был родной брат, может, давно оставил отцовский дом ему и уехал бы туда, потому что там не только плодородная земля, там — первое независимое государство осетин. И оно должно заселяться, строиться и процветать.

Р. КАРИМОВ: — Среди народов Северного Кавказа есть мнение, что очень вредные в Kavkазах посты на административной границе Северной Осетии, как с КБР, так и с Ингушетией. Там опять же регистрируют при въезде. Просят открыть багажник без протокола досмотра. Скажем так, в Москве всегда мы требуем протокол досмотра. Люди, в основном ингуши, жалуются на это и говорят о том, что это скорее унижение. Оправданы ли эти меры?

Т. МАМСУРОВ: — Я категорически выступал за то, чтобы эти посты сняли. Знаете, есть закон Паркинсона: если структура существует, она должна себе придумать функцию. Анекдот такой есть. “Открыл багажник”. Открыл. “Что это?” “Труп”. “Да я сам вижу, что труп. А аптечка есть у тебя?”. Я свою позицию высказал. Между Кабардой и Пятигорском пост сняли и что, разве что-то плохое случилось? Ничего не случилось. Я об этом говорю и считаю, что люди, которые возмущены этим, они правы.

Р. КАРИМОВ: — А сотрудничество с силовиками Северной Осетии проходит просто для Вас или нет?

Т. МАМСУРОВ: — Я понимаю, о чем вы говорите. Знаете, что очень много лет была такая фишка у федералов. Их когда назначали сюда, то им в Москве обычно говорили “смотри, эти князьки удельные, местные, это

все ворюги, бандюги, у них там клановость и так далее. Твоя задача — не подходить близко”. С нами эти кадровые назначения не согласовывали. Эта система умерла после Кушевки, когда Медведев издал очень полезный указ о создании на территориях координационных советов правоохранительных органов, которые возглавляет руководитель субъекта, и все силовики должны ему докладывать. Вот теперь регулярно эти советы проходят, нам докладывают, какие опасения у них, что они рекомендуют власти принять. Взаимодействие сейчас нормальное.

Р. КАРИМОВ: — Мы по Вашим заявлениям, по заявлениям Евкурова видим, слышим и понимаем, что ведется серьезная работа по укреплению отношений между ингушами и осетинами. Удастся ли на самом деле искоренить вражду между осетинами и ингушами? Ведь они действительно не разумом, это понятно. Любимый народ, любой человек действует сердцем, скорее чувствами. Удастся ли?

Т. МАМСУРОВ: — Я думаю, удастся. Я смотрю, что было 5 лет назад, что было 10, 20 лет назад и что сейчас. Люди друг к другу спокойно ездят, молодежь совместные мероприятия проводит. Уже даже совместные браки начали опять появляться. Если говорить о ситуации в целом, она очень сложная. Я могу сказать, и мое поколение, и кто раньше меня работал, очень многое упустили. Но если бы в 1992 году лучшие умы Осетии и Ингушетии в силу возраста, жизненного опыта и авторитета своего, будь то творческие люди, ученые, признанные людьми авторитетные люди, взялись за воспитание молодежи, было бы гораздо лучше. Но никто этим не занимался, и выросло поколение людей в Ингушетии, допустим, которые во всех бедах, сегодняшних, вчерашних и будущих, видят виноватыми только осетин. И у нас настрой тоже такой у молодежи в основном. Это очень плохо. Но то, что сейчас мы делаем, и Евкуров, и я, и моя, и его команда, его парламент, наш парламент, и старейшины, и творческие люди, и интеллигенция, это улучшает ситуацию. Мы надеемся на молодежь, которая понимает, что глобализация не где-то там за пределами нашего государства, она всюду, и здесь тоже.

Р. КАРИМОВ: — После каких-либо трагических событий, взрыв на рынке Владикавказа, например, люди требовали закрыть границу с Ингушетией. Вот как тут объяснить, что это невозможно?

Т. МАМСУРОВ: — Есть эмоциональные всплески. Никто уже не требует, даже те, кто так говорил, они понимают, что это невозможно. Хотя еще в древности говорили, что самое крепкое добрососедство обеспечивает мощная изгородь между людьми.

Р. КАРИМОВ: — Как к мусульманам относятся в Северной Осетии?

Т. МАМСУРОВ: — Достаточно сказать, что наша республика — это православная республика. Здесь 80 процентов, по нашим данным, официально статистики такой нет, — это устойчиво православный народ. Возглавляет республику Таймураз Мамсуров. Происхождение его семьи относится к мусульманской части. Мне, как и любому главе субъекта, понятно, чем я должен заниматься. Я должен обеспечивать всем нашим жителям условия для того, чтобы все религиозные конфессии, которые зарегистрированы в соответствии с федеральным законом на территории республики, могли беспрепятственно совершать свои обряды. И православные, и иудеи, и католики, и другие течения. И мусульмане наши спокойно исповедуют веру, никакого трения не вижу. Когда какая-то общероссийская тема возникает, конечно, отголоски у нас тоже появляются. Если где-то, в другом конце страны, кто-то что-то против мусульман сказал, естественно, наши мусульмане тоже съезжаются. То же самое, вот сейчас просто подлая атака на его Святейшество патриарха идет, и наш православный люд тоже напрягся. Внутри Осетии ничего такого нет, здесь темы такой даже нет, никто не уточняет, что мусульман или нет. На идеологическом уровне этого нет, мусульмане живут, как и все граждане, спокойно, с теми же проблемами, какие у всех, с теми же радостями, которые у всех. Этой темы у нас нет.

Р. КАРИМОВ: — Мы не зря задали этот вопрос, потому что, путешествуя уже две недели по Северному Кавказу, мы общаемся с русскими в той или иной республике, и спрашиваем, как вам живется в соседстве с ингушами, дагестанцами, чеченцами, кабардинцами, балкарцами. Единый ответ, причем от разных людей, имею в виду этнически русских, что нет проблем, мы выросли здесь вместе, это наша родина. Кто-то говорит, что мы приехали сюда и остаемся. Единственное, да, нет работы, есть проблемы экономи-

ческие, социальные. Но в центре почему-то постоянно продавливают и продвигают идею о том, что русских на Кавказе режут. Все задаются вопросом, кого мы спрашивали, а почему так? Ответ единый: кому-то это надо. Как Вы считаете, кому это может быть надо?

Т. МАМСУРОВ: — Я воспитан так, что когда вижу подлеца, то я первое себе внушаю, что, скорее всего, он просто по глупости свои подлости творит, не от злого умысла. Невежество не есть аргумент, я не хочу спорить с теми, кто здесь никогда не был, ничего не знает, но имеет наглость пускаться в многозначительные рассуждения. Когда они говорят про исход русских, я прошу уточнить, а как считали? Я инженер по образованию, и если в стране не существует графа “национальность”, если эту графу убрали и институт прописки творит, откуда вы знаете, кто куда уехал? Вот у меня четверо детей. Одна дочка вышла замуж в республику Коми, там живет под Воркутой, трое учатся в Москве. Я нигде в статистике не видел, что теперь в Северной Осетии стало минус 4 осетина. Как считают? Откуда берут цифры? Я официально запросил Госстат. Они говорят “а мы не ведем такой учет, его невозможно вести”. Таким образом, не имея никаких данных фактических, говорят — исход. Давайте разговаривать с русскими, которые здесь живут. А проблемы одинаковые. Вот я буду говорить только за Осетию. Мы на 70 процентов были промышленной республикой. У нас металлургия, электронная, военная промышленность, закрытые военные заводы “Янтарь”, “Радуга”, “Гран”. И институт, который я заканчивал, горно-металлургический, он выпускал инженеров. К нам приезжали поступать, и молодые специалисты оставались по большей части здесь. Все было нормально. Когда эти заводы исчезли, то не только русские, но и осетины, которые династиями на заводах этих работали, особенно молодежь, стали искать для себя другое место, многие уезжали вслед за работой. Перемещение внутри страны идет. Это великое завоевание. Вот эти демократы-болтуны, они же не знают, что один из критериев демократии в стране — это свободное перемещение товаров и людей. Что удивительно, история Норильска — это история осетинских инженеров, инженеров-осетин. Там все директора — выпускники нашего вуза. Славский — великий, трехзвездный министр Союза, который с Курчатовым там работал, он тоже выпускник нашего института, бывший директор “Электроцинк” и так далее. Поэтому перемещение — это нормально. Если говорить о том, что работы нет, это касается не только русских. У нас 100 национальностей. У нас тут, допустим, поляки живут. Если вы придете к полякам, они скажут, что работы нет. Вы же не будете говорить, что поляков выдавливают, потому что для них работы нет. Давайте будем добросовестными, когда мы что-то анализируем. Надо быть осторожнее, надо быть внимательнее. Если есть проблема, ее надо изучить и атаковать. Но это должна быть всегда общенациональная задача. Вот если бы борьба с коррупцией была общенациональной задачей, в нее включились бы и моральные авторитеты, и религиозные деятели, чтобы люди поняли, что коррупция искореняется культурой. А когда на две части люди поделились, одни дают, другие берут, и те же из своей среды выделяют каких-то крикунов, которые кричат “кругом коррупция”, ну, извините меня, это смех.

Р. КАРИМОВ: — Нет, но русские, которые говорили о том, что все нормально с соседями, они признавали, что если есть отток, то это связано с безработицей... И если мы плохо живем, соседи плохо живут, то есть все плохо живут, опять же определенные люди. Вы сказали насчет графы “национальность”. Как Вы считаете, нужно ли вернуть?

Т. МАМСУРОВ: — Непринципиально. Возглавить какое-то движение за то, чтобы вернуть, я не собираюсь. Но я считаю, что, во-первых, многим нравится быть кем-то, хотя бы с этой точки зрения. Но с другой точки зрения, мы все-таки по природе своей многонациональное государство. Россия другой не может быть. Россия росла, осваивалась именно за счет территорий, Россия состоит только из территорий, больше не из чего. Даже Москва — это один из субъектов, и Питер — один из субъектов. Мы об этом забываем. Если в Библии написано, в Коране написано, что Бог создал нас нациями, народами, женщинами и мужчинами, чтобы мы узнавали друг друга. Если бы мне авторские идеи, ликвидировавшие графу национальность из наших паспортов, объяснили, зачем это было сделано, может, я сейчас не выглядел бы, как какой-то ретроград. Но мне ничего не объяснили. Плюсов в том, чтобы эта графа была, я вижу больше, чем минусов. Но я, как и Вы, как и каждый из нас, и так знаю, кто я, откуда родом и кто мои предки.